

УДК 82.09

<https://doi.org/10.36906/NVSU-2022/70>

Себелева А.В., канд. филол. наук, ORCID: 0000-0002-9545-0105, Романова К.А.

Нижневартковский государственный университет

г. Нижневартовск, Россия

ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ 80-Х ГОДОВ XX ВЕКА

Аннотация. Цель исследования заключается в рассмотрении условий, характерных черт, персоналий литературно-критического направления второй половины 80-х годов XX века. Анализируемая тема является малоизученной; рассматриваемым характеристикам, условиям и персоналиям уделялось недостаточно внимания с точки зрения взаимодействий в указанный период внутри парадигмы: автор – текст – критик – интерпретация – реципиент.

Ключевые слова: литературно-критическое направление; дискурс; полемика; литературоцентризм; интерпретация.

Особенности литературного процесса в период социального обновления, изменения, которые происходили в социально-политической, культурной и экономической жизни России в конце 80-х годов XX века, затронули критику собственно степенью осмысления данных изменений с позиций истории и теории литературы. В литературной критике и публицистике появляются приметы новой литературно-общественной ситуации – общемировоззренческая поляризация в российской писательской среде, ощущение трагичности переживаемой эпохи (оцениваемой или как катастрофа и тупик, или как переходная к более высокому качеству жизни), рост непримиримости в обоюдных оценках противостоящих друг другу группировок: национал-большевик-неосталинистов, консерваторов — новых славянофилов, либералов.

Литературная критика — сложный процесс интерпретации или самоинтерпретации, где сочетаются понимание — основное (мгновенное понимание истины бытия) и вторичное (фиксация того, что понято, вербальное выражение, его развертывание в качестве интерпретации, отрефлексированное воспоминание) [12, с. 186].

Обращая внимание на вопросы, которые сейчас составляют ядро публичных дискуссий (поиски национальной идеи, возможности демократии, степень зависимости прессы от вертикали власти и т. п.), отметим, что они прямо отсылают нас к дискуссиям времён перестройки конца 80-х годов. Отображение внутривластных, исторических условий государственности в художественной литературе дает критику и самому возможность государственно-правовых характеристик. В рассматриваемый период эта «возможность» вылилась в опасную ситуацию, когда «критика не только ушла в публицистику, стала орудием идеологической агитации и контрагитации, но и напрочь утратила интерес к текстам». Продолжает мысль критика исследователь Ю. Говорухина, поясняя, что для данного периода характерно изменение статуса художественного текста для критика: «Литературное

произведение становится поводом для обсуждения той или иной общественно-политической проблемы» [2, с. 58]. О. Култышева в статье «В. Маяковский в отражении прижизненной и посмертной иностранной прессы» также утверждает, что оценка конкретного литературного произведения и деятеля литературы часто зависит от «политических взглядов рецензентов и степени их предвзятости» [11, с. 60]. Отметим общую тенденцию не анализа, рецензирования художественного текста, предполагающие работу в рамках (текста, направления, литературной тенденции), а обратную тенденцию нарушения рамок, движения от текста к внетекстовой реальности. Восприятие истории, общества, искусства в это время несет на себе отпечаток поиска новой точки видения, новой системы ценностей, системы оценки взамен старой. По мнению Ю.А. Говорухиной «это проявляется уже в названиях критических работ рассматриваемого нами направления: «От какого наследства мы отказываемся», «Крушение абстракций», «На руинах позитивной эстетики», «Мчатся мифы, бьются мифы», «Новое и старое», «Первенцы свободы», «Раскрепощение» и т. п.» [2, с. 59]. Новизна и необычность сформировавшейся в ходе реформ 1985-1987 годов социокультурных условий привела к тому, что общество, неподготовленное к настолько резким переменам политического курса, встретило с необходимостью своевременной и глобальной общественной рефлексии.

«Сочетание централизованной советской схемы распределения интеллектуальных ресурсов с меняющейся ролью публичного, публицистического, опубликованного сделало центральную периодику 1986–1989 годов основным продуцентом дискурсов и транслятором норм» [9], как замечает исследователь И. Каспэ. В журналах, регламентирующих ход главных общественных дискуссий, основное место, наряду с социальной журналистикой и докторальной публицистикой, в ряду главных трансляторов норм в этот период, активнейшим участником полемического дискурса становится литературная критика. Она активно включается в обсуждение самых актуальных общественных проблем, анализирует историческую, экономическую, политическую тематику с помощью своего особого инструментария, уделяет большое внимание «профессиональной саморефлексии» (термин И. Каспэ). Рассуждения о текущем литературном процессе, месте критики в нем, комментарии к текущей литературно-критической полемике и прогностические оценки занимают в корпусе журнальных литературно-публицистических текстов основную позицию. Вышеперечисленные характеристики были усилены начавшимся в 1986 году процессом публикации огромного массива текстов «возвращенной», «задержанной» и эмигрантской литературы [7, с. 8]

Отметим, что перемены в политической организации общества принесли с собой свободу слова. Общественный интерес был вызван открытым обсуждением еще недавно «закрытых» тем и проблем, публикаций прежде запрещенных произведений как классиков советского периода русской литературы (М. Горького, А. Ахматовой, А. Твардовского, Б. Пастернака, А. Платонова, М. Булгакова и др.), так и писателей русского зарубежья (И. Бунина, И. Шмелева, М. Алданова, Г. Иванова, В. Набокова и др.). Закон о печати и других средствах массовой информации, отменявший цензуру в СССР, был принят 12 июня 1990 г., но процесс освобождения культуры, искусства, словесности, литературной и художественной

критики начался уже во второй половине 1986 г. Осенью писатели поколения «шестидесятников» возглавили редакции ряда ведущих журналов: С. Залыгин стал главным редактором «Нового мира», Г. Бакланов – «Знамени», В. Коротич — «Огонька» [12, с. 187]. «Журнальный бум публикаторства, открывший новый литературный период, был последним, на сегодняшний момент, всплеском всеобщего, воистину общенационального, гражданского интереса к литературе, когда читало все общество, а не только элита, не только любители изящной словесности [7, с. 9]. Наблюдается устойчивый ростом читателей либеральных журналов — «Нового мира», «Дружбы народов», «Знамени», «Октября», «Огонька», «Авроры» (СПб.). С обретением «Литературной газетой» и журналами «Октябрь», «Знамя», «Иностранная литература», «Дружба народов», «Юность», «Новый мир», «Огонек» независимого статуса обостряется противостояние либерально-демократических и националистических сил с органами советской литературной номенклатуры, отмечается сближение позиций журналов «Наш современник» и «Молодая гвардия» [12, с. 188]. Критики «Молодой гвардии»: А. Овчаренко, В. Бушин, А. Байгушев, В. Хатюшин и др. демонстрировали близость позиций к официальным установкам предшествующего периода, но с ориентацией на русский национальный патриотизм. В свою очередь, в работах наиболее концептуальных авторов журнала «Наш современник» (В. Кожин, А. Лашчиков) осуществлялась попытка разобраться в социальных причинах исторических событий, определивших судьбу народа, и с этой точки зрения дать оценку произведениям о «белых пятнах» советской истории.

Интерпретация новых романов Ч. Айтматова («Плаха»), В. Астафьева («Печальный детектив») и В. Распутина («Пожар») сопровождалась высокой степенью откровенности, которая не была возможна до снятия цензурных ограничений. Обсуждение критиков вызывали публикации ранее запрещенных произведений времен сталинизма (например, «Реквием» А. Ахматовой, «Чевенгур» А. Платонова), авторов первой волны эмиграции (В. Набокова и В. Ходасевича), а также антисталинистские сочинения советских писателей («Дети Арбата» А. Рыбакова, «Белые одежды» В. Дудинцева, «По праву памяти» А. Твардовского) [12, с. 189]. Второй прорыв в преодолении цензуры произошел в 1988 г., когда, несмотря на противодействие властей, начались публикации произведений «третьей волны» эмиграции — А. Солженицына, И. Бродского, Вик. Некрасова, В. Войновича, В. Аксёнова, А. Синявского, — а также представителей «внутренней эмиграции» — Е. Замятина, Б. Пастернака и др. В 1989 г. лидером многочисленных читательских предпочтений становится напечатанный в «Новом мире» «Архипелаг ГУЛАГ» А. Солженицына, благодаря которому тираж журнала вырос за месяцы в несколько раз [12, с. 190].

Снятие цензурных ограничений и нормативных границ «принятой», «допущенной» литературы, а в связи с этим — небывалое расширение литературного поля; выдвижение ангажированных журналов и толстого журнала как социокультурной формы в центр литературных коммуникаций; увеличение публикаций из давнего и недавнего прошлого плюс актуальной публицистики; активизация слоя образованных читателей и увеличение журнальных тиражей — наиболее важные факторы структурных перемен второй половины

1980-х годов в советской литературе как социальном институте [12, с. 190]. «Центральным структурообразующим фактором постсоветской критики называют дезинтеграцию и распад «критического пространства» на множество все более удаляющихся друг от друга субкультур» [9, с. 539].

Неслучайно в существующих исследованиях об истории литературной критики периода конца 80-х годов основное внимание уделяется принадлежности литературных критиков той или иной литературно-общественной группе [5, с. 195]. В основе литературно-критического направления лежит принцип, позволяющий учитывать связь как внутренних, присущих литературному процессу закономерностей развития, так и внешних, социально-политических, социокультурных и экономических факторов, оказывающих самое прямое воздействие на критику, определяющих ее функции.

Необходимо также отметить важную деталь в понимании литературно-критического процесса этого периода, представленные в работе Е. Зашихина. Он говорит о том, что «ощутимое воздействие ситуации в стране и вызванного ею общественно-политического диалога — одна из примечательных характеристик развития критики этого периода» [8]. Так же он указывает на следующие изменения функционирования литературной критики во второй половине 80-х годов: «по отношению к предмету критики и его своеобразию; глубины и достоверности понимания идейно-эстетического своеобразия текущей литературы; общественного резонанса, который имеют современные критические выступления» [10, с. 12]. 1986-1989 годы были последней эпохой «сакрального» литературоцентризма, характеристиками которой являются:

- высокий общественный статус литературы, определенный поставленным запросом массового потребителя, для которого собственно литература представляется синонимом культуры;
- цензурные ограничения, позволяющие произведениям литературы присваивать символический капитал «запретного плода» и быть инструментом преодоления нормативных пределов — социальных, этикетных, моральных и т.п.;
- искусственно навязанный литературному слову идеологический подтекст;
- иерархический порядок культурных и социальных ценностей;
- отсутствие конкуренции со стороны других полей (СМИ, видео— и аудиокультуры) [5, с. 198].

Исследователь М. Ерохина отмечает еще одну характерную черту литературно-критического процесса исследуемого нами периода, а именно «стремление критиков к соединению в рамках одного материала различных форм аналитической мысли — художественной, философской и публицистической» [6, с. 3]. Качественное изменение всего литературно-критического пространства, ставшее прямым следствием демократических реформ становится определяющим событием литературной жизни России второй половины 1980-х годов. «Демобилизация и фрагментация публики, спад реформаторского импульса и воодушевления в обществе, размывание собственно литературных ориентиров, канонов,

критериев оценки осознаются литературной критикой как признаки нарастающего кризиса литературного процесса» [9, с. 539].

Отмена цензурных ограничений на представителей творческой интеллигенции повлияла по-разному: в писательской среде сформировалась обстановка растерянности, многие крупные художники или переключились на околослитературную малопродуктивную полемику, или на время отошли от творчества. Социальный характер критики был обусловлен также индивидуальными стилями, предрасположенностями и решениями авторов. По темпераменту и самоидентификации можно отметить полемистов и критиков-публицистов, таких как Н. Иванова, А. Марченко, Б. Сарнов, В. Бондаренко, А. Казинцев и Т. Причем в этом случае принадлежность к партии, как и те или иные групповые интересы, не является определяющей. Так, «либерально настроенная А. Латынина не раз покидала ряды либералов, оказываясь в одиночестве и навлекая на себя упреки в том, что поддерживает политических противников. Извилистой была идейная траектория Л. Аннинского» [9, с. 541].

Литературная критика этого периода обнажила разногласия, обозначившиеся в 60–70-х годах. Литературная критика периода перестройки фиксирует специфику мировосприятия, процесса самоопределения, механизмы восприятия, осмысления и оценки новых исторических событий обществом [2, с. 60]. Полемический дискурс журнальной и газетной периодики 1986-1989 годов, рассмотренный с позиций предметного и риторического наполнения, предстает как весьма спорный историко-культурный феномен. Его важнейшими характеристиками, по мнению исследователя М. Ерохиной, являются литературоцентризм, хаотичность, ориентация на историчность, гипертекстуальность, интерактивность и сильнейшая идейная конкуренция как на уровне литературно-критических персоналий, так и на уровне периодических изданий [7, с. 4]. «В критике окончательно оформилось разделение на три политических лагеря, между которыми в годы перестройки уже началась открытая конфронтация» [9].

Во-первых, консерваторы — новые славянофилы, стремившиеся к политическому и духовному обновлению при условии ухода от марксизма-ленинизма и возвращения к национально-патриархальным ценностям, причем главенствующая роль отводилась русскому православию. Они первыми выступили за реабилитацию философов-богословов, а в 70-х собственно они писали об уничтожении природы вследствие индустриализации и коллективизации. Эти критики также стали инициаторами ряда дискуссий. Глушкова выступила против «возвращенных» писателей (среди них — М. Булгаков, Б. Пастернак, О. Мандельштам) и вновь остро поставила вопрос о взаимоотношениях интеллигенции и народа [1, с. 4]. Было положено начало спорам о необходимости пересмотра истории литературы, посвященной Великой Отечественной войне [12].

Во-вторых, национал-большевики-неостаалинисты, объединявшиеся выступлениями за сохранение или возрождение коммунистического строя или, как минимум, за авторитарное государство, контроль партии и централизованную политику в области культуры. Критики и литературные чиновники, относящиеся к данной группе, например, А. Байгушев, П. Горелов в 1987–1989 годах высказывались против «реабилитации» репрессированных писателей,

противопоставляя им таких авторов, как А. Проханов, А. Иванов, Ю. Бондарев, Г. Марков. «Неосталинисты призывали к возрождению соцреализма, хотя и оговаривали возможность некоторого расширения его принципов» [9, с. 543].

В-третьих, либералы, приверженцы реформ, ориентированные на западные модификации демократии и открытое гражданское общество, на плюрализм, рыночную экономику и подходящий ей государственный строй. Именно они начали в 1988 г. дискуссию о пересмотре истории русской литературы XX в. [12, с. 193]

В становлении литературно-критического направления важную роль сыграл *поколенческий фактор*. Заявили о себе *критики старшего поколения*, наиболее известные среди них — Л. Аннинский, Г. Белая, Р. Гальцева, И. Дедков, И. Золотуский, В. Кожин, Ст. Куняев, Ф. Кузнецов, В. Лакшин, Л. Лазарев, А. Марченко, Ст. Рассадин, И. Роднянская, Б. Сарнов, В. Турбин. Идеологические позиции были различны, «главное, что их объединяло, — это идущая от эпохи оттепели вера в высокий социальный статус литературы и критики» [9, с. 544]. *Критиков среднего поколения* («сорокалетних») объединяло отсутствие в их жизненном опыте крупных событий «героической эпохи», следовательно, понимание ими своей причастности к некоему единству было сформулировано значительно слабее, чем у «шестидесятников», их предшественников. В результате для «*семидесятников*», к которым относятся В. Бондаренко, С. Чупринин, М. Эпштейн, А. Генис, Т. Глушкова, Н. Иванова, В. Новиков, К. Степанян, В. Топоров, П. Вайль, их профессиональное развитие пришлось на период застоя, поэтому для них характерны черты разочарования и утраты надежд на социально-политическое обновление. К третьему, *младшему поколению* — «*тридцатилетних*», или «*восемьдесятников*» (печататься начали не ранее середины 80-х) — относятся А. Агеев, А. Архангельский, П. Басинский, А. Василевский, О. Дарк, Е. Добренко, М. Золотонос, А. Зорин, А. Казинцев, Вяч. Курицын, М. Липовецкий, А. Немзер, Е. их характеризовало положение внутреннего дистанцирования от советской системы, многие выделялись известным прагматизмом, отдельные — элитарным самосознанием [12, с. 194].

Как было сказано выше, одной из определяющих характеристик полемического дискурса данного периода считается трансформация литературоцентризма общественного сознания. Именно этот процесс во многом обусловил доминирование именно литературной критики как наиболее дискуссионной и обсуждаемой сферы перестроечного медийного пространства [5, с. 100]. Мирозренческое, ценностное разрушение вызвало пафос отрицания, распространившийся на оценку предшествующего периода культурного развития. Осмысливая и оценивая «от противного», литературная критика применяет соответствующий инструментарий. Так, ключевым структурообразующим принципом, лежащим в основе большинства критических текстов, публикуемых в «толстых журналах» перестроечного периода, является принцип значимой оппозиции, противопоставления, антитезы [3, с. 86].

Из чего можно заключить, что при рассмотрении литературно-критического направления конца 80-х годов XX века в нашем исследовании интересующие условия формирования и отличительные черты имеют определяющее значение для проведения дальнейшей работы:

- литературная критика становится инструментом переоценки советской истории, культурного наследия, комплекса представлений о литературе и ее месте в обществе [12];
- расширение проблемного поля от оценки художественного произведения, явления, тенденции – к общественно-политической ситуации в стране;
- открытое обсуждение «закрытых» тем и вопросов;
- публикации запрещенных произведений;
- прорыв в преодолении цензуры;
- уменьшение в критике количества диспутов непосредственно о литературных новинках и вместе с тем усиление, первоначально именно эстетической и философской, а не только политизированной публицистической критики;
- стремление критиков к соединению в рамках одного материала разных форм аналитических размышлений – художественных, общефилософских и публицистических;
- обратная тенденция нарушения рамок, движения от текста к внетекстовой реальности.

Литература

1. Глушкова Т. Куда ведет Ариаднина нить? // Лит. газ. М., 1988. №12. С. 4-5.
2. Говорухина Ю.А. Значимые оппозиции в отечественной литературной критике 1980-1990-х годов как репрезентаторы общественного сознания эпохи // Вестник ЧелГУ. 2008. № 21. С. 55-62.
3. Говорухина Ю.А. Познавательная идентичность современной литературной критики // Сибирский филологический журнал. 2010. № 1. С. 76-88.
4. Добренко Е., Тиханов Г. История русской литературной критики: Советская и постсоветская эпохи. М.: НЛЮ, 2011. 792с.
5. Ерохина М.В. Литературно-критический дискурс эпохи перестройки: переопределение границ // Материалы международной научной конференции «Ломоносов», 2009. С. 1-17.
6. Ерохина М.В. Приемы и функции полемики в журнальной литературной критике второй половины 1980-х годов: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 2010. 18 с.
7. Зашихин Е.С. Литературная критика второй половины 80-х годов: характер изменений, тенденции: Автореф. дисс. канд. филол. наук. М., 1990. 20 с.
8. Ерохина М.В. К вопросу об эссеизации журнальной литературной критики эпохи гласности // Филология и человек. 2009. № 3. С. 90-102.
9. Каспэ И. Апокалипсис-1990: «настоящее», «прошлое», «будущее» в литературной публицистике // Новое литературное обозрение. 2007. № 83. С. 538-560.
10. Кондаков И. По ту сторону слова: (Кризис литературоцентризма в России XX – XXI веков) // Вопросы литературы. М., 2008. № 5. С. 9-13.
11. Култышева О.М. В. Маяковский в отражении прижизненной и посмертной иностранной прессы // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2014. № 4. С. 57-62.

12. Петрова Т.Г. Советская литературная критика на завершающем этапе (1985–1991) и новый статус литературы в России // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7. 2013. № 4. С. 185-200.

© Себелева А.В., Романова К.А., 2022